

Прокопьева Пасковья Егоровна

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР ЛЕСНЫХ ЮКАГИРОВ: СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ

В статье дана характеристика жанрам современного песенного фольклора лесных юкагиров, описаны его тематика и содержание. Фольклорную песенную традицию юкагиров составляют любовные песни, песни об ушедшей молодости, колыбельные. В конце XX - начале XXI в. зафиксированы песни-посвящения родовым местам, ласкательные песни для детей. Специфика бытования фольклорных песен сегодня связана с пониманием проблемы сохранения исчезающего языка и культуры юкагиров.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-1/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. I. С. 141-148. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Дождев Д. В.** Добросовестность (*bona fides*) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В. С. Нерсесянца. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
2. **Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана** / пер. Ф. Дыдынского. М.: Зерцало, 2006. 567 с.
3. **Колосовская Ю. К.** Гостеприимство в системе *ius gentium* древнего Рима // Древнее право. *Ius antiquum*. 1999. № 1 (4).
4. **Корнелий Тацит.** Сочинения: в 2-х т. / пер. А. С. Бобовича; под ред. Я. М. Боровского. М.: Ладомир, 1993. Т. 1. *Анналы*.
5. **Культура Древнего Рима:** в 2-х т. / отв. ред. Е. С. Голубцева. М.: Наука, 1995. Т. 1.
6. **Литвиненко Н.** Концепция справедливости Джона Ролза // Логос. 2006. № 1.
7. **Луций Анней Сенека.** Нравственные письма к Луцилию / пер., ст. и прим. С. А. Ошерова; отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1987.
8. **Марк Туллий Цицерон.** Речи: в 2-х т. / пер. В. О. Горенштейна; отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1993. Т. 1.
9. **Мир культуры: основы культурологии:** учебное пособие. Изд-е 2-е, испр. и доп. М. – Новосибирск: Изд-во Фёдора Конюхова; ЮКЭА, 2002.
10. **Попова А. В.** Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте: законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран-членов Европейского Союза: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
11. **Токмаков В. Н.** Воспитание воина и гражданина в Раннем Риме // Древнее право. *Ius antiquum*. 1999. № 3.
12. **Цицерон.** О старости. О дружбе. Об обязанностях / пер., ст. и прим. В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1994.
13. **Цицерон.** Речь в защиту Луция Корнелия Бальба: приложение / пер. В. О. Горенштейна // Вестник древней истории. 1990. № 2.

JUSTICE AS GOOD FAITH: ROMAN LAW VALUE**Maksim Vladimirovich Novikov***Saratov State University named after N. G. Chernyshevskii
latasar@mail.ru*

The author reveals one of the most important facets of jurisprudence, which involves searching the definition of its supreme value – “justice”, basing on Roman legal thought and arguing with John Rawls’s conception “justice as fairness” suggests to understand justice as good faith deriving the definition of the latter in the course of Roman law sources and Roman jurists’ works research.

Key words and phrases: justice; good faith; honesty; confidence; good conscience; virtue; wisdom; Roman law.

УДК 398.8(=554)

В статье дана характеристика жанрам современного песенного фольклора лесных юкагиров, описаны его тематика и содержание. Фольклорную песенную традицию юкагиров составляют любовные песни, песни об ушедшей молодости, колыбельные. В конце XX – начале XXI в. зафиксированы песни-посвящения родовым местам, ласкательные песни для детей. Специфика бытования фольклорных песен сегодня связана с пониманием проблемы сохранения исчезающего языка и культуры юкагиров.

Ключевые слова и фразы: лесные юкагиры; современный песенный фольклор; жанр; традиция.

Прасковья Егоровна Прокопьева, к. пед. н.*Сектор палеоазиатской филологии**Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера**Сибирское отделение Российской академии наук**pproe@yandex.ru***СОВРЕМЕННЫЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР ЛЕСНЫХ ЮКАГИРОВ:
СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ®**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ,
грант № 11-14-14005а/Т «Фольклор и язык лесных юкагиров в XXI в.».*

Фольклор лесных (верхнеколымских) юкагиров представляет собой достаточно крупное собрание разнообразных по жанрам и тематике произведений. Одно из заметных мест в нем занимает песенная поэзия.

Первые записи песен данной этноязыковой группы юкагиров были сделаны в конце XIX – начале XX в. выдающимся ученым-североведом В. И. Иохельсоном. В свой труд «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе» исследователь поместил 16 песенных образцов [2]. В разное время музыкальные произведения лесных юкагиров фиксировали Г. А. Григорян, Э. Е. Алексеев, Г. Н. Комраков, Ю. И. Шейкин, Т. И. Игнатьева, Л. Н. Жукова, И. А. Николаева, П. Е. Прокопьева и др. [1; 5; 6; 8-10]. Общий объем собранного материала с учетом крайней малочисленности этнической группы

довольно большой и составляет, по нашим подсчетам, не менее 80 музыкально-фольклорных образцов и их вариантов¹.

Цель данной статьи – дать жанровую характеристику современного песенного фольклора лесных юкагиров, описать его с точки зрения тематики и содержания, проанализировать нынешние функции.

Любовь юкагиров к пению отмечали многие исследователи Севера. На особое положение песенных произведений в фольклоре юкагиров, для которого свойственны лаконичность и немногословность, обращал внимание В. И. Иохельсон, подчеркивая, что «поэзия их отличается обилием чувств» [4, с. 439]. Эта эмоциональная насыщенность юкагирских песен (среди них преобладают лирические), выражающаяся в богатстве средств художественной выразительности, вероятно, объясняется тем, что они представляли ту сферу духовной культуры, которая не соотносилась с сакральной мифологической традицией² и где дозволялось открыто говорить о душевных переживаниях и выражать личное отношение к происходящему.

О том, какое значение имели песни в жизни юкагиров, могут свидетельствовать воспоминания юкагиров – наших современников. Так, А. С. Шохин (1954 г.р.), говоря о юкагире Н. Н. Дьячкове (1912 г.р.), сообщил: «Он всегда ночью пел. Мог полночи петь. Протяжные. Он сядет в палатке, поет и поет. Наверное, про свою жизнь и то, что он видит, природу»³. Следует заметить, что Н. Н. Дьячков, о котором идет речь, был очень талантливым певцом, ярким исполнителем. В своей песне, где он печалится о прошедшей молодости, старость у него ассоциируется с утратой голоса, невозможностью петь как раньше:

*Таатмиэ йахталэк
Эт пундуунумэ,
Илугэ танэ...
Ходотэм, йо,
Йахтэдин, йо,
Тунмулдиэлэк эрулбэл,
Танэ йолугэ,
Йолугэ танэ.
(Такие песни
Рассказал бы,
Илугэ танэ...
Что мне делать, йо.
Чтобы спеть, йо.
Голос испортился
Танэ йолугэ,
Йолугэ танэ) [6, текст № 14].*

Про свою мать А. С. Шохин рассказал, что она и сестра «утром рано почему-то сидели на речке, уходили вдвоем, я приходил послушать, они вдвоем сидят, поют по-своему. Чаще грустные песни пели. Они очень хорошо отзывались о том месте, где родились. Говорили, что там хорошие люди жили, но их никого не осталось»⁴. Г. Б. Шпак помнит из детства, как любили петь юкагирские женщины: «...у костра сядут и поют. Мы еще придем и подпеваем. Я не могу до сих пор вспомнить, какие песни они пели, помню, про рябину, потому что рябина везде у нас росла, про тополь пели, о растениях, о животных... <...> Мама дома пела за шитьем всегда»⁵. Слагать песни, по всей видимости, могли даже дети. Г. Б. Шпак вспоминает, как в интернате пели девочки-подростки: «Про дом, тосковали по дому, сами сидят, как-то стихийно у них получается, про мать, про семью, напевные песни... что далеко отправили их. Как мы свои мысли передаем, так и они, как будто рассказ у них»⁶.

Современные фольклорные материалы лесных юкагиров подтверждают то, что их песенное творчество основывалось на импровизации и полуимпровизации. Большинство из записанных сочинений – личные, то есть созданные непосредственно исполнителем. Часть напетых произведений принадлежит другим авторам, жившим прежде (этот факт всегда оговаривается певцом), и лишь несколько песен, чье авторство утрачено, можно назвать народными. Тем не менее последние, «неличные» песни, неизбежно несут в себе долю фантазии транслирующего их человека (что не нарушает общей концепции песни) и по своей сути являются вариантами.

В песенном фольклоре, записанном в современное время, выделяются такие жанры, как любовные песни, песни-воспоминания об ушедшей молодости, песни, посвященные родовым местам, песни о природе, колыбельные, пестушки и другие. Само понятие «песня» обозначается словом *йахтэ*.

¹ Песенные материалы лесных юкагиров разрознены по отдельным публикациям, часть из записанных песен хранится в различных архивах, в том числе частных.

² В данной статье не рассматриваются обрядовый фольклор и речитативные вставки из мифов и сказок.

³ Записано в 2011 г. в п. Сеймчан Среднеканского района Магаданской области. Материалы экспедиции по гранту РГНФ «Этнокультурная ситуация у коркодонских юкагиров». Архив автора.

⁴ То же.

⁵ Записано от Г. Б. Шпак (1943 г.р.) в 2011 г. в п. Зырянка Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия) в рамках работы по гранту РГНФ «Фольклор и язык лесных юкагиров в XXI в.». Архив автора.

⁶ То же.

Трудно сказать, существовали ли у лесных юкагиров для музыкально-фольклорных традиций специальные общепринятые термины, но в их языке обнаруживается лексика, относящаяся к песенной практике в целом. Отдельные из лексем указывают на наличие определенных видов песнопения. Например, слово *тунмул* используют не только в значении «горло», но и «голос» в отношении певческих способностей человека: «*Тунмудиэлэк эл хоннул, йо. лигэмүллэ, нуоон йахтасинумэ*» / «Голосок не звучит (буквально – не идет), йо. Состарившись, зачем пою...» [Там же]. Выражение *тунмул-хонтаану* употребляют в смысле «напевать, выводить мелодию» (буквально – выводить горлом, голосом): «*Тиң йахталгэ таат тунмулэ хонтаануңа*» / «В этой песне такой мотив (буквально – так ведут горлом)»; «*Чуруудьаа тунмулэ хонтаанум*» / «Она тихонько напевает»¹. Если второй компонент словосочетания – глагол – принимает атрибутивную форму *тунмулэ хонтаануйэ*, то оно приобретает значение «голосистый»: «*Адуөн тунмулэ хонтаануйэ паайпэлэк, йахтэгэн*» / «Это – голосистая женщина, пусть поет»². В основе другого слова – *илбуй-*, по всей видимости, заключено значение «петь от всей души»: «*Шөңдьильэлдэ йэлюодьэдиз укөйсиидэгэ, йолугэ танэ, илбуйдин, нумун илбуйтэм?*» / «Когда весеннее солнышко всходит, *йолугэ танэ*, я чтобы вытянуть [песню], чем вытяну?»³. По объяснению юкагирки А. Е. Шадринной, которая перевела на русский язык песню, откуда взята цитата, под словом *илбу-* подразумевают «пение, которое льется, как река, текучее, спокойное». Разъясняя смысл слова, она привела пример: «*Адиң паай йахтэт омон илбуйши*» / «Эта женщина поет и так и выводит протяжно»⁴. Есть в юкагирском языке также слово *йахтари-* – «петь о ком-чем-нибудь; воспевать кого-что-нибудь».

В прошлом у юкагиров были распространены любовные песни. Из 16 записанных В. И. Иохельсоном песен 10 объединяет любовная тематика. Произведения отличает иносказательный язык, присутствие эпитетов, метафор, сравнений. К примеру, так поется о парне, укоряющем возлюбленную в нехозяйственности: «Провожали, возвратиться хотели, тут присели. Тот человек (мужчина) запел. Напевая, сказал: “Этой реки высокое дерево упало, наши глаза прокололо”. Бабы потом вернулись. Одна другой говорит: “Друг, отчего (своих) торбасов (обувь) не зашиваешь? Тебя (это) пел”» [2, текст № 82].

В известных нам материалах, собранных в последние два десятилетия, любовные песни представлены единичными образцами. Этим песням, как и раньше, присуще широкое использование средств художественной изобразительности, которые позволяют с выразительной силой передать душевное состояние и чувства автора:

*Поорэмэ, шиллэ парагэ ханидуөңоот
Тэтул йуөдин хонобо мэруйшит эйроол?*
(Весной, во время наста, став орленком,

Как бы мне [пойти], полететь посмотреть на тебя?) [1, текст № 57].

*Кожэдэндиз лаңи
Йуөдаңидэ мэт,
Аңдыат оожшилиэ
Таат альбаануй,
Чомоодьэ оожии титэ.
<...> Кожэдэндиз адилиэ,
Мигидэй йуөдайк,
Илүл ньатлыбиэ,
Чугоон ньасьяадайк.
(На Кожэдэн
Когда смотрю я,
Слезы
Так и льются,
Как проливной дождь.
<...> Паренек с Кожэдэн
В мою сторону посмотри.
Милая куропаточка,
быстрее вернись) [5, текст № 20].*

Что касается такой особенности старинных песен, как иносказательность, то сегодня аллегорический и метафоричный язык песен, адресованных возлюбленным, можно наблюдать в рассказах о людях, живших в прежние времена:

*Угурчиэ, угурчиэ анилэ уггэ иидэт модот,
Олексэйдиз аңдэ толоун йахадаасьэги абиидут модот кэрлэшоол.
Йожаальэлмэк, илэкун аңдыааньэйэ тоукэн адуө?
(Хариуса, хариуса-рыбу на заездке когда ловили,
Начальника Алексея жеребца спрятав, сидел, жевал.
Забыл, четырехглазый собачий сын?) [7, с. 30].*

¹ Записано от А. Е. Шадринной (1930 г.р.) в 2007 г. в с. Нелемное Верхнеколымского улуса. Архив автора.

² Записано от А. Е. Шадринной в 2009 г. в с. Нелемное. Архив автора.

³ Записано от Н. Н. Дьячкова (1912 г.р.) в 1989 г. в с. Нелемное. Архив автора.

⁴ Записано от А. Е. Шадринной в 2009 г. в с. Нелемное. Архив автора.

⁵ Фрагмент песни, в которой девушка обвиняет обманувшего ее парня во лжи и хитрости.

В отличие от любовных песен, в современной песенной лирике часто встречаются песни-воспоминания. По своему содержанию это музыкально-поэтические размышления о жизни, воспоминания о молодых годах:

*Тудаа мит одуллэ
Уоңоол параагэ
Чумут шахальашундъишли, йо,
Киэйэн кэлут,
Ньямлит модот,
Йахтаанундъишли, йо.
(Раньше мы, юкагиры,
В пору молодости
Все собирались, йо,
Вперед приходили,
Обнявшись, сидя,
Пели, йо) [6, текст № 22].*

*Лигэмүллэ, йо, лигэмүлдиэгэт
Шэгүжүллэ, танэ-йо,
Лигэмүлдиэ шарум,
Йолугэ танэ,
Нумун йахталэ,
Нумун шубэдьэлэ
Антайсиитэм?
Йолугэ-йо, йолугэ.
(Состарившись, йо, от старости
Убегал я, танэ-йо,
Старость догнала.
Йолугэ танэ,
Какой песней,
Каким сердцем
Отзовусь?
Йолугэ-йо, йолугэ) [Там же, текст № 14].*

Традиция исполнения старейшинами песен об ушедшей молодости, очевидно, имеет давние корни: более ста лет назад В. И. Иохельсон среди песенных импровизаций юкагиrow выделил краткую «жалобную песнь старика», в которой певец сравнил себя с обгорелым пнём [2, текст № 85]. Исследователь комментировал по этому поводу: «...юкагиры весьма жизнерадостны, и поэтому старики бывают удручены своей старческой немощью» [3, с. 301].

Песенное изложение раздумий о жизни, возможно, восходит к манере музыкальных высказываний, включенных в повествовательный фольклор (как в сказочные, так и несказочные его произведения) и органично взаимодействующих с текстом. Музыковед Т. П. Игнатьева, анализируя стилистику речитативов в верхнеколымских сказках, пишет: «...это специфическое ритмотонированное говорение или мелодическая просодия, имеющая свою характерную формулу» [9, с. 80]. Она отмечает, что «оригинальные мелодические формулы» могли возникать также в некоторых рассказах, о чем свидетельствуют соответствующие фрагменты [Там же, с. 80-81].

В фольклоре лесных юкагиrow примеров, прямо указывающих на то, что речь персонажа оформлена пением, содержится немало. Так, в одной сказке Окунь, посланный обитателями мелеющего озера к морскому Царю, песней сообщает ему о постигшей их беде:

«Мон, – молльэл, – ноңоон киэсьэк?». Таат йахтальаальэл, кэйлэй мурэньэт обоот, йахтаай:

*Мит йалбилгэ
Оожиги чаамуй,
Мит таа нингэсишли,
Тамунцин йанца...*

(«Говори, – сказал он [Царь], – зачем пришел?». Так [Окунь] запел, стоя в красных сапогах:

*В нашем озере
Вода убыла,
Нас там много,
Поэтому послали...)¹.*

¹ Записано от В. Г. Шалугина (1934 г.р.) в 2001 г. в с. Нелемное. Архив автора.

Предположение о существовании у юкагиров традиции рассказывания в музыкальной форме может быть подкреплено воспоминаниями современных юкагиров о том, как пели старейшины: «Дед Гаврила пел. Как будто что-то рассказывает. Мотив монотонный, как былины поют. <...> Долго-долго пел. Он сколько нам тоже пел, мы маленькими были. Я почему-то понимала, с охотой связано, издавал крики, то ли чайки... Час, полтора-два что ли [пел]» (сообщение М. С. Громовой, 1957 г.р.)¹. «Я помню, что я танцевала, танцевала и до того уставала, что засыпала под их разговор и песни. Они [пожилые люди] как соберутся, и начинают или петь, или... Один мог, потом второй может. Видать, про охоту пели, про жизнь. Весело поют» (сообщение Г. И. Филатовой, 1956 г.р.)². И М. С. Громова, и Г. И. Филатова помнят, что пение заканчивалось словом вроде *йок* (произносится нараспев): «ласковое такое окончание у них было», «что-то похожее на *йок*³, и опять монотонность».

Помимо песен-воспоминаний в современном песенном фольклоре присутствуют песни, воспевающие красоты родного края, посвящения рекам и родовым местам:

*Унмун-эмэй, йолугэ,
Ходьибэт, хонтой
Талбаанэ, йолугэ, йуөдин.
Унмун-эмэй, йолугэ,
Ходо ходьибэсиит обоонук.
(Колыма-матушка, йолугэ,
Блестя, течет,
Чтобы Столбовую⁴, йолугэ, увидеть.
Колыма-матушка, йолугэ,
Как ты, сверкая, стоишь)⁵.*

*Чоңул, чоңул оожииньасиил
Чахадан-эмэйлиэ,
Чомол-чомол чаманиньэл
Чахадан-эпиэлиэ.
(Со вкусной-вкусной водичкой
Ясачная-матушка,
С громадными-громадными нельмами
Ясачная-бабушка).⁶*

Живописное описание родных мест, которое характерно для подобных произведений, свойственно и песням прошлых лет. Например, в песне парня, записанной В. И. Иохельсоном, есть такие слова: «Когда Большое сердце (вершина) показалось, точно серебряные очки блеснули. Чингеджие когда показалось, серебряное грудное солнце⁷ блеснуло» [2, текст № 80]. Однако бытование специальных посвящений родному краю демонстрирует только современный фольклор. Эта особенность материалов нашего времени, полагаем, связана с тем, что авторами песен являются старейшины, которые в силу обстоятельств покинули свои родовые участки, где прожили большую часть своей жизни, и поселились в поселках. В песнях, посвященных местам проживания предков, и песнях-воспоминаниях очевидны скучание по дорогим сердцу местам, тоска по малой родине.

В музыкальном фольклоре лесных юкагиров как творчестве наследников культуры охотников и рыболовов немалое внимание уделяется природе и представителям животного мира. Надо сказать, что картины природы рисуются в песнях самых разных жанров и их образы несут различную смысловую нагрузку: в одних произведениях они связаны с мифологическими представлениями и вводятся в контексте традиционного мировидения (образ старого дерева символизирует предка-помощника, образы берез, тальников отождествляются с ушедшими в иной мир сородичами), в других песнях с их помощью изображаются внутренний мир и переживания героя. Создание песенных сочинений о природе продиктовано, по нашему мнению, желанием автора поделиться собственными впечатлениями и ощущениями от увиденного и услышанного, стремлением в том числе посредством песни воздать должное природе как матери, кормилице всего сущего. Приведем пример из произведения, посвященного черноголовой чайке:

¹ Записано в 2011 г. в с. Нелемное в рамках работы по гранту РГНФ «Фольклор и язык лесных юкагиров в XXI в.». Архив автора.

² То же.

³ Слово созвучно «йуек» – «глянь, смотри». Можно предположить, что слово заканчивало по смыслу сегмент высказывания.

⁴ Столбовая – каменистый остров в верхнем течении р. Колыма.

⁵ Записано от Е. Н. Дьячковой (1914 г.р.) в 2005 г. в п. Зырянка. Материалы фольклорно-лингвистической экспедиции ИПМНС СО РАН.

⁶ Записано от А. В. Слепцовой (1930 г.р.) в 2000 г. в с. Нелемное. Архив автора.

⁷ «Грудное солнце» – женское украшение круглой формы из серебра или меди.

Эй, тинэ-тинэ
 Мэт моттушкаа уэлиэ
 Кэйлэл сари мурэньэй
 Тинабадаа эйриэнуй.
 Аңдэги омон подьбо5ой,
 Анири амладайдэ.
 Пиэрилэ оожиигэ айлаанум,
 Анньэдэ, анньэдэ, мэриэнуй:
 «Тыньа-а-ах, тыньа-а-ах, тыньа-а-ах».
 Моттушкаа льэн уэлиэ,
 Пойнэй пугэсьэ оохааньэй.
 (Эй, давешняя
 Моя чаечка
 В красных кожаных торбасах,
 Голову выставляя, ходит.
 Глаза так и блестят,
 Когда рыбы кишки глотает.
 Крылья в воде моет,
 говоря, говоря, летает:
 «Тыньа-а-ах, тыньа-а-ах, тыньа-а-ах».
 Чайкин ребеночек,
 В белых пушистых штанишках)¹.

Фольклорную коллекцию лесных юкагиров составляют также «детские» песни – колыбельные и пестушки. Если образцы колыбельных регистрировались исследователями и раньше [9, с. 74], то пестушки стали специфической чертой именно современных материалов: впервые они были записаны в ходе Комплексной фольклорной экспедиции 1987 г. [Там же, с. 96]. Этот песенный жанр, зафиксированный под названием *ши-шии ~ шэйшиик* (от *шэйшии* – «ласкать, пестовать»), подразумевает ласкательные индивидуальные песни, обращенные к детям. Т. И. Игнатьева дает следующую характеристику этим произведениям: «Согласно традиции, они исполнялись родственником ребенка во время общения с ним. В интонационном отношении это миниатюрные ритмизованные высказывания, интонируемые в манере, близкой к речитативам из сказок» [Там же, с. 96-97].

Путисъэнка² путисъэнка путисъэнка путисъэнка путисъэнка
Ханначиксэ ханначиксэ путисъэнка путисъэнка путисъэнка [Там же, с. 97].

Вот еще одна иллюстрация – пестушка, слышанная А. В. Слепцовой:

Эй, тинэ-тинэ, Мордовская ньяасъэ,
 Атахун килэ вата ооньэй
 Чайка титэ поддонуй,
 Мордовская ньяасъэ.
 (Эй, тинэ-тинэ, лицо как у Мордовского,
 С двумякилограммовыми ватными штанами
 Как чайка плещется,
 Лицо как у Мордовского)³ [7, с. 30].

Можно допустить следующие причины столь позднего выявления жанра пестушки: 1) очень маленькие по размеру персональные ласкательные сочинения, часто не имеющие четкого перевода и предполагающие ситуативные условия исполнения, могли не восприниматься собирателями и юкагирами-информантами как полновесные песенные произведения; 2) эти именные песенки, возможно, относились к обрядовой культуре юкагиров в сфере воспитания ребенка (в качестве песен-благопожеланий, песен-талисманов), вследствие чего предпочтительным было не заявлять о них посторонним всуе. Относительно вероятного обрядового происхождения пестушек нужно заметить, что ласкательные детские песни выполняли функцию оберегов у таких народов Севера, как ненцы, нганасаны [10, с. 254].

Несмотря на недавнее открытие у лесных юкагиров импровизированных песен, адресованных детям, они, по-видимому, являются частью традиционной песенной практики, так как известно, что у этого народа существовала еще фольклорная традиция музыкального описывания определенного человека. В спонтанных

¹ Записано в 2004 г. от А. В. Слепцовой. Архив автора.

² *Путисъэнка* – заимствованное из русского «птиченька» [9, с. 97].

³ Мордовской – фамилия человека.

миниатюрах подмечались внешность, характер, особенности поведения того, о ком пели. Д. П. Борисова (1946 г.р.) поясняет, как слагались экспромты: «Один человек зайдет, о нем поют, например, такой он, бородастый, глаза белые, высокий. Они [юкагирские женщины] о пришедшем человеке поют, распевая, рассказывают [о нем]»¹. Приведенный ниже образец индивидуальной песенки в музыкальной форме характеризует походку любимого человека:

Папакэ, тэтэкэ, тандаа кэлүл...
(Папочка, тэтэкэ, вон идет...)².

Как следует из рассказов юкагиров, кроме указанных выше небольших мелодических высказываний, бытовали также личные песни, в которых исполнитель пел о себе:

*Тиэпуньяа шаан киэриэс,
Тиэпуньяа шаалцин хондоло,
Шөйлцин кудиэнуи,
Шөйлцин хондоло,
Шаалцин кудиэнуи.
(Тиэпуньяа шаан киэриэс³,
Тиэпуньяа по дрова идет –
В камень превращается,
За камнем идет –
В дерево превращается).*

Современные материалы песенного наследия лесных юкагиров зафиксированы только от людей старшего поколения – знатоков родного языка и культуры. В настоящее время с уходом последних носителей этнической культуры юкагиров утрачиваются и фольклорные традиции народа, исчезает естественная среда их функционирования. Вместе с тем следует отметить тот факт, что в последние годы юкагирское фольклорное наследие пополнилось совершенно новыми песенными образцами. Мотивом для создания этих песен стало желание авторов сохранить таким образом для молодых поколений звучание юкагирского языка, внести свой посильный вклад в возрождение древней культуры предков.

Удивительно поэтичные песни принадлежат А. В. Слепцовой, юкагирской мастерице, знатоку устного народного творчества юкагиров, самобытной исполнительнице юкагирских песен. Одно из ее произведений – посвящение родному селу Нелемное в честь его 70-летия:

*Собоньи миткэ чэнчэ оотэй,
Шахальашцик, одулиэпэ!
Мэт йоогэт лондот
Мэт одун моБолиэ,
Нугэнгэт лондот
Мэт шаихун молодьо.
Аньайшили, аньайшили...
(Сегодня у нас праздник будет,
Собирайтесь, юкагиры!
С головы сниму
свою юкагирскую шапочку,
С рук сниму
Мои перчатки.
Потащим, потащим...)⁴.*

А. В. Слепцова сочинила также запев к народному круговому танцу *лондол*: «Раньше юкагиры, когда собирались, танцевали. Танцуя, руками показывают, какая ты девушка, какой ты парень. Раньше они слова не говорили, *рэБэтя* только говорили, потом еще *танэ-йо* говорили. Я написала к нему [танцу], долго чтобы выкрикивали [имеются в виду музыкальные возгласы] дети».

¹ Записано в 2011 в п. Сеймчан. Материалы экспедиции по гранту РГНФ «Этнокультурная ситуация у коркодонских юкагиров». Архив автора.

² Записано от В. Б. Будановой (1935 г.р.) в 2011 в п. Сеймчан. Материалы экспедиции по гранту РГНФ «Этнокультурная ситуация у коркодонских юкагиров». Архив автора.

³ *Тиэпуньяа* – имя человека-обладателя песни. По мнению информанта, *шаан киэриэс* (*шаал* – «дерево», *киэриэс* – «крест») можно перевести как «кривое дерево». Песня записана от Г. Б. Шпак в 2011 г. в п. Зырянка в рамках работы по гранту РГНФ «Фольклор и язык лесных юкагиров в XXI в.». Архив автора.

⁴ Записано в 2007 в с. Нелемное. Материалы Комплексной экспедиции ИПМНС СО РАН. По объяснению автора, под словами «потащим, потащим» подразумевается призыв повезти на санках мясо сохатого.

*Танэ, танэ, танэ-йо,
Унуң шайдэ чэрэмульэл.
Чахадан эмэйлиэ –
Чоңул оожиллиэ,
Өйбөн эпизлиэ –
Илүл Шо5унмаадиэ,
Ньашиэн эмэйлиэ –
Шанабай унуңиэ...
(Танэ, танэ, танэ-йо,
Река поперек обмелела.
Ясачная-матушка –
Вкусная водичка,
Омулевка-бабушка –
Милый Ягелек,
Поповка-матушка –
Трескучая речушка...)¹.*

Развитию современной песенной культуры юкагиров способствует творчество Л. Н. Деминой (1950 г.р.). Отличные знания по юкагирскому языку и культуре она унаследовала от своей матери Е. Н. Дьячковой, чье имя хорошо известно ученым-североведам: музыковедам, этнографам, фольклористам. Благодаря энтузиазму Л. Н. Деминой обрели второе дыхание фольклорные песни, которые она записала от матери и других юкагиров, появились новые песенные композиции на юкагирском языке.

Сегодня песни юкагиров можно услышать на различных культурных мероприятиях юкагирского села Нелемное, они стали неотъемлемой частью содержания работы по сохранению их языка и культуры. Можно заключить, что осуществление сбора песенного фольклора коренных малочисленных народов Севера, в том числе юкагиров, актуально не только для проведения научных исследований, но и приобретает особую значимость в связи с необходимостью ревитализации их исчезающих культур.

Список литературы

1. Жукова Л. Н., Николаева И. А., Демина Л. Н. Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. Ч. 2. 89 с.
2. Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 272 с.
3. Иохельсон В. И. Народное творчество юкагиров // Север Азии в этнокультурных исследованиях: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В. И. Иохельсона (г. Якутск, 15-16 августа 2005 г.). Новосибирск: Наука, 2008. С. 285-308.
4. Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
5. Палеоазиатская коллекция: песни юкагиров [Электронный ресурс] / сост. П. Е. Прокопьева; Музей музыки и фольклора народов Якутии. Якутск, 2003. (CD-ROM).
6. Прокопьева П. Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
7. Прокопьева П. Е. Фольклор лесных юкагиров в конце XX – начале XXI века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 3. С. 25-31.
8. Сокровища юкагирской культуры: полевые материалы Л. Н. Жуковой [Электронный ресурс] / ООН по вопросам образования, науки и культуры; Мин-во образования Респ. Саха (Якутия); РАН СО, Инт-т проблем малочисл. народов Севера. Якутск, 2007. (CD-ROM).
9. Фольклор юкагиров / сост. Г. Н. Курилов. М. – Новосибирск: Наука, 2005. 594 с.
10. Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.

FOREST YUKAGIRS' MODERN SONG FOLKLORE: CONTENT AND EXISTENCE FEATURES

Praskov'ya Egorovna Prokop'eva, Ph. D. in Pedagogy
Sector of Paleo-Asian Philology
Institute of Classical Researches and Problems of North Smaller Peoples
Russian Academy of Sciences (Branch) in Siberia
pproe@yandex.ru

The author presents the characteristics of the forest Yukagirs' modern song folklore genres, describes its subject matter and content, and shows that the Yukagirs' folklore song tradition comprises love songs, songs about lost youth and lullabies. At the end of the XXth – the beginning of the XXIst century songs - dedications to ancestral places and caressing songs for children were fixed. Today folklore songs existence specificity is associated with the understanding of the Yukagirs' disappearing language and culture preservation problem.

Key words and phrases: forest Yukagirs; modern song folklore; genre; tradition.

¹ Записано в 2007 в с. Нелемное. Материалы Комплексной экспедиции ИПМНС СО РАН. Омулевка, Поповка – названия рек, Ягелек – название местности.